

День за днем

Львиная доля

Лев ГОРЕЛИК.

76 лет.

Живет в Саратове.

Артист

За последние 100 лет, по большому счету, в Саратове были три человека-легенды. Врач-психиатр Кутанин, секретарь обкома партии Шибяев и артист эстрады Горелик. Популярность на каждого выпала ошеломляющая. Последний и сегодня греется в лучах своей неувядающей славы. Он, кроме всего прочего, коллекционер живописи, член правления культурного фонда имени Боголюбова (вместе с Кобзоном и Церетели) и всевозможных жюри, педагог, советник губернатора по культуре. По поводу последнего написал частушку:

*У Аяцкова в структуре
Я советник по культуре.
На него не сетую:
Что захочется ему,
то и посоветую.*

Талант Горелика расцвел в то благословенное время, когда шутить по любому поводу, кроме серьезного, было совершенно безопасно. Он говорит, что юмор — это политическая сатира на пенсии. В его монологах и шутках придиричиво искали что-то глубоко законспирированное «антисоветское», но он знал правила игры и рано отправил свою сатиру на пенсию. В Саратове было проще — запрещали редко и по мелочам, и то требовалась известная изворотливость: сказать примерно то, что хочется, не накликав на себя беду. Во время гастролей, а Горелик со своим театром «Микро» объехал весь Советский Союз, и не по одному разу, было немного сложнее. В каждом городе — своя цензура, или сумеешь подбегать, или что-то вычеркивай. Впрочем, он и не стремился к конфликтам, ему и его зрителям хватало и незлобиво юмора. Тем более, если он злободневный, типа: «На курорт врач посылает./ Грязью, говорит, лечись./ а ее и здесь хватает./ раздевайся и ложись».

Молодой саратовский юморист начинал как подражатель Райкину. Из-за него и подался на эстраду. Сын циркача, конферансье и куплетиста, работавшего с напарником под брендом «Братья Говорящие», Лев с 13 лет заболел Райкиным и долгие годы пребывал в этом состоянии, пока не нащупал свой образ, в чем-то похожий и непохожий на своего кумира. Из детства запомнились запах манежа, тайная любовь к одной из сестер Кох и разговоры о зарубежных гастролях. «Ну как в Берлине?» — «Хорошо, цирк шапито, бульон, гуляш, кисель». — «А в Риме?» — «Нормально, летний передвижной, макароны, спагетти, чай». Ему повезло. Повзрослев, учился в Москве у Андрея Гончарова, Валентина Плучека, Зиновия Герда, Наталии Сац. Но Райкин в его сознании затмил всех. Что впоследствии имело для юного провинциала приятные и не очень последствия. Вспоминает: «Интермедии и репризы Аркадия Исааковича словно прилипли ко мне и как-то помимо моей воли вошли в мои выступления, принося первые ощутимые успехи на самостоятельных подмостках». А потом случился небольшой казус.

Текст Сергея КАЗОВСКОГО, фото Юрия НАБАТОВА

Знакомая знаменитого артиста написала ему записку: дескать, прошу разрешить подателю сего, учащемуся театрального вуза Горелику, присутствовать на ваших репетициях, когда вы приезжаете в Москву. Репетиции начинались в 11, но Райкин приходил намного раньше. По воспоминаниям Горелика, мастер бродил по затемненной сцене, бормоча тексты и отшлифовывая пластику движений. Минут за 15 до прихода труппы исчезал, потом появлялся со своими знаменитыми масками. И так день за днем. Учащийся молча наблюдал, внимая каждому слову и жесту. Через какое-то время, приглашенный отцом в концертную бригаду, один к одному воспроизвел несколько номеров классика. По наивности думал, что когда-нибудь покажется Райкину, тот похвалит и благословит, слегка пожурив: пора, мол, и свой репертуар создавать, на подражании далеко не уедешь. Получилось гораздо хуже. Кто-то рассказал Райкину о молодом двойнике, и когда в свой очередной приезд в Москву Горелик опять пришел на репетицию и скромненько уселся в конце зала, maestro заметил его, спустился со сцены и прямоиком направился к нему. Почувствовав недоброе, юноша покрылся испариной. И не напрасно. «Прошу вас больше на мои репетиции не приходите, — тихо, но внятно и сердито произнес Райкин. — И если вы даже когда-нибудь прие-

дете в Москву со своим репертуаром, запомните: вам будет трудно!»

Слово «трудно» он произнес с таким подтекстом, что Лева понял: хватит работать «под Райкина», пора искать собственную дорогу на эстраду. Но это легко сказать... Он изо всех сил вытраивал из себя знаменитый образ и искал свой. О нем часто говорили и писали: «саратовский Райкин», «волжский Райкин», «второй Райкин»... Лестно вроде бы, но уже не радовало. Позже великий артист приехал в Саратов, его пригласили в редакцию местной газеты и ваш покорный слуга был свидетелем следующего диалога. «Какого вы мнения о нашем популярном эстрадном артисте Льве Горелике?» — спросили журналисты. Райкин немного помолчал, многозначительно посмотрел на своего заплыва Жванецкого, молча сидевшего в первом ряду, ответил: «Простите, но я такого артиста не знаю». В последний раз они встретились на заседании художественного совета в Министерстве культуры СССР. Народный артист Советского Союза Аркадий Райкин и народный артист России из Саратова Лев Горелик. С этим вопросом «всё», как сказал бы Аркадий Исаакович.

Недавно Лев Григорьевич издал книгу, называется «Львиная доля», отсюда и заголовок материала. Не первая его книга, но теперь, наверное, возраст обязывает — собрал под одной облож-

кой все примечательные встречи и знакомства. Их множество, и они ему здорово помогают. Горелик живет один, вся его большая семья в Израиле, а он застрял в Саратове. Кому я там нужен, говорит, а здесь — всем! С утра до ночи телефонные звонки, и не дай бог прекратятся. Признается, что иной раз чувствует себя одиноким, зато нет-нет да и пригласят на встречу. Он почти не читает монологов и не исполняет скетчей, зато имеет что рассказать. О знаменитом доме Ардовых на Ордынке, где почастливилось пообщаться с Анной Ахматовой, о таких знаменитостях, как актеры Хенкин, Утесов, Леонов, Панич, Хазанов, поэт Светлов, писатели Искандер и Жванецкий, пианист Петров...

Воспоминания скрашивают одиночество, тем более все стены в квартире — сплошь фотографии и картины с автографами. «50 лет назад я чокнулся на живописи, — говорит Горелик, — и не стань артистом наверняка подался бы в искусствоведы». Сейчас в его коллекции около тысячи полотен известных мастеров, выставки из его коллекции устраивались в Казани, Москве, Ростове, не говоря уж, разумеется, о Саратове. В основном это подарки от друзей-художников, многие из которых писали и его, в чем вы можете убедиться, посмотрев на фотографию нашего героя. Без шутки не может, показывает запись из журнала отзывов: «Была на выставке картин из вашего

собрания, не получила никакого удовольствия, кроме эстетического».

Осваивал он, конечно, и Святую землю, где одна из дочерей, Ирина, воссоздала отцовский театр и даже назвала его также — «Микро». «Лева! — окликают его часто в Иерусалиме, — какими судьбами?» — «Да вот, — отвечает, — к дочерям и внукам приехал». — «И вы-таки знаете иврит?» — «Нет, не знаю, но на русском с еврейским акцентом говорю в совершенстве». Бывают встречи и вовсе необыкновенные. Актриса, давнишняя любовь, не скрываемая и от жены. Прочел ей старые стихи. «Неужели это посвящено мне?» — спрашивает. «Тебе». Вдруг задрожал голос: «Я тебя плохо вижу, Лева. Ты как в дымке. Но понимаю тебя, как прежде».

Свою коллекцию живописи он не прочь передать городу, но с одним условием: чтобы не пылилась в подвале. К деньгам относится спокойно: «У меня шикарная зарплата в Доме народного творчества — 1700 рублей, потрясающая стипендия от губернатора — 430». Жалеет только об одном: в пик славы не было телевидения. «Раз показался — все здороваются». Считает, что Бог у нас один. Рискну, говорит, даже пошутить на эту тему: «Слышали, Канторович принял русскую Веру — 430». Потом русскую Клаву. Потом еврейку Соню и латышку Лайму... Тяжела ты, Левина доля: острий, несмотря ни на что.

ЛЮДИ